

Т.Г.Трофимович (Минск, Беларусь)

ТЕКСТЫ СТАТУТА 1588 ГОДА И УЛОЖЕНИЯ 1649 ГОДА В АСПЕКТЕ ВОСТОЧНОСЛАВЯНСКОЙ ЯЗЫКОВОЙ ДИВЕРГЕНЦИИ

Статут Великого княжества Литовского 1588 года и Соборное уложение царя Алексея Михайловича 1649 года – заметные вехи в истории белорусской и русской государственности. Эти своды законов, ставшие естественным продолжением предшествующих кодексов, знаменовали собой неизмеримо более высокую ступень феодального права, отвечавшего новым стадиям в развитии социально-экономических отношений, политического строя, юридических норм, судостроительства и судопроизводства Великого княжества Литовского и Русского государства.

Историко-правовая ценность упомянутых текстов оказывается несколько не меньше их лингвистической ценности: перед нами выдающиеся памятники письменности, зафиксировавшие старобелорусский и старорусский языки периода их раздельного существования. В настоящее время в исторической славистике факт того, что в конце XVI- середине XVII века в результате дивергентных процессов бытовали разные языки, сомнений не вызывает. Существует проблема именования того языка, который в традиционной терминологии называется старобелорусским [1, с.9-40]. Стремление избегать именно этого именования косвенным образом свидетельствует о том, что отрицается или ставится под сомнение этническая самобытность этого языка и его генетическая связь именно с белорусским языком. Попробуем посмотреть на проблему через сопоставление двух выдающихся текстов – Статута 1588 года и Уложения 1649 года.

Известно, что Статут 1588 года, Третий статут Великого княжества Литовского, стал «обильнейшим источником» Уложения [2, с.209]. М.Ф. Владимирский-Буданов считал, что значительная часть его глав и статей представляют собой целиком или буквальный перевод, или довольно точный перефраз (sic!) Статута [3, с.8]. Это утверждение позволяет предвидеть существенную языковую близость текстов, которая, по идее, должна быть крайне высокой в случае допущения не-существования самобытного старобелорусского языка.

Нами было предпринято сопоставление разделов и глав Уложения и соответствующих артыкулов Статута, ставших, по мнению историков, их источниками. Такое сопоставление однозначно указывает на то, что язык, на котором написан Статут, существенно отличается от языка уложенной книги и что язык Статута содержит много грамматических и лексических средств, характерных для современного белорусского языка.

Так, источником главы V Уложения «О денежных мастерах, которые учнут делать воровские денги» является артыкул 17 первого раздела Статута «О фальшованью монеты, о мынцах и о золотарах». Практически полное содержательное соответствие текстов законов (речь идет о наказании за изготовление фальшивых денег) выливается в существенно отличающуюся языковую экспликацию. Например, в тексте Уложения используется большое

количество субстантивно-атрибутивных бивербов фразеологизированного характера: *мастер денежный, мастер золотых дел, мастер серебряных дел, деньги медные, деньги оловянные, деньги воровские, деньги укладные, дело денежное, дело золотое, дело серебряное*. В источнике вместо единиц со словом *мастер* используются слова *золотар, мынцар*, вместо бивербов со словом *деньги* – обобщенное название *монета*.

Старобелорусский текст свидетельствует о том, что старорусская единица *учинить убытки* стала соответствием старобелорусского выражения *учинить шкodu*, а старобелорусский фразеологизм *на горле огнем карати* передается в старорусском тексте при помощи устойчивого словосочетания *казнити смертию* и свободного словосочетания *залити горло*, которое эксплицирует в тексте способ смертной казни.

Артыкул 16 раздела первого Статута «Хто бы листы або печати наши и врядовые фальшовал, чим маеть бытии каран» стал источником главы IV Уложения «О подпищеках и которые печати подделывают». Сопоставление текстов позволяет выявить, например, такие соответствия: *старобел. лист – старорусск. грамота, фальшовать – подделывать, фальшовать – воровством наряжати, на киталт руки наше подписать – своим вымыслом подписать, горлом карати – казнити смертию* и т.д.

Сопоставительный анализ терминологических указателей к текстам Статута и Уложения тоже позволяет отметить их исключительное своеобразие. Так, например, в старобелорусском тексте используются следующие термины на букву *в*: *вазня, валька, варстат, варунок, вдова, вдовый столец, везенье, великий князь, вено, виж, вижованое, вина, внесение, внук, воевода, воеводство, вожсы, возный, война, войский, вол, воланье, волока, волость, воля, вотум, вряд, врядник, втятье, вшетеченьство, выведанье, выналязок, выпис, выправа, вырок, выробок, выслуга, выступ, выступца, вязень*. В старорусском тексте находим следующие термины на *в*: *варница соляная, вдова, великая княгиня, вера, верные головы, верста, верстанье, вершенье, вина, винить съездом, виноватый, вину отдати, внук, воевода, воеводсто, воинские люди, война, волокита, волость, воля, вор, воротник, вотчина, вотчинник, вотчич, вотяки, вспуды, выбор, вывод, выгон, выимка корчемная, выимщик, выкуп, выписка, выпись, вытчик, выть*. Полные совпадения мы выделили жирным шрифтом, их немного. Налицо исключительное своеобразие словарных составов.

В настоящее время, как нам представляется, перед историками белорусского языка стоит очень важная задача: доказать, что старобелорусский язык имеет полное право так называться, поскольку это действительно белорусский по своей этнической основе язык. Возможные пути такого доказательства на уровне лексики просматриваются и через сопоставление двух рассмотренных текстов.

Литература

1. Мякишев В. Язык Литовского статута 1588 года. Краков, 2008. С.9-40.
2. Владимирский – Буданов М.Ф. Обзор истории руссаго права. СПб, 1888.
3. Соборное уложение 1649 года. Л., 1987.

4. Статут Вялікага княства Літоўскага 1588 года. Мінск, 1989.

РЕПОЗИТОРИЙ БГПУ